



Точно чувствовал,  
что встреча с нею  
Вечностью предопределена.  
Лето начинало с подмалевка,  
Нанося неброские штрихи.  
Как река, Большая Пироговка,  
Не спеша, втекала в Лужники.  
Образ той,  
что снилась мне ночами,  
Я переносил на чистый лист,  
**Андрей ГАЛАМАГА**

## Казалось – шаг...

### ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

Последним восресением зимы  
По узким улочкам

Замоскворечья,  
По тем местам,  
где вместе были мы,  
Пройтись,

наружу вырвавшись из тьмы,  
И не отчаяться, и не отречься.  
Казалось бы, всего на полчаса  
Нам стоит оказаться

на Ордынке,  
И снова ты поверишь в чудеса –  
Прекрасна, как весенняя роса  
На тоненькой

нетронутой травинке.  
Часы застыли. Тиканье пружин  
Прервалось

на последнем обороте.  
Я снова жив.  
Но снова здесь один,  
Как будто безраздельный

властелин  
Всех проходных дворов  
И подворотен.

Мы знали тайну.  
В предраассветный час  
Они, как музыкальная шкатулка.  
Их звук с тобой

мы слышали не раз,  
И не было волшебнее для нас  
Замоскворецких

сонных закоулков.  
Я не могу поверить, что сюда  
Ты больше никогда

не возвратишься.  
Что я один – невелика беда,  
Но нет страшнее слова –

никогда,  
Из словаря  
посмертного затишья.

И каждый день,  
как грешник, по утрам  
Я нашему молю  
Замоскворечью.

Брожу по переулкам и дворам  
И жду, что небо улыбнется нам,  
И ты –

нечаянно шагнешь навстречу.  
\* \* \*

Ни ветрил и ни руля нет;  
В прежней пьесе,  
с той же ролью  
По Москве июль гуляет

Небывалою жарю.  
Малой Бронной и Покровкой,  
Вымершим Кузнецким Мостом –  
Театральной походкой

По асфальтовым подмосткам.  
Раскаленная Тверская  
Еле сдерживает нервы,  
А в квартирах не спасают

Даже кондиционеры.  
Но не в меру позабавясь  
Над столичными дворами,  
Жар отхлынет. Скоро август,  
И сентябрь не за горами.

Где жара озорничала, –  
Все степенно и резонно,  
Как предчувствие начала  
Театрального сезона;

Где, в погоне за аншлагом,  
Пес пролает – ветер носит.  
И все ближе с каждым шагом  
Аспириновая осень.

\* \* \*

Прости, –  
довольно глупости плести;  
Давно пора

остановить свой выбор.  
Мы маемся,  
как пойманные рыбы,  
В сетях московской

майской духоты.  
Я стал, благодаря тебе, жесток.  
Мне дорого далось –

начать сначала.  
Ты прежде никогда не умирала?  
Я умирал.

Теперь пришел твой срок.  
Как смахивают крошки со стола,  
Ты приговор

произнесла в глаза мне.  
Я сам не верил  
в силу предсказаний,  
Которые наговорил со зла.

Казалось,  
мир открылся мне насквозь.  
Мной не владели

мечь или обида.  
Но нестерпимый привкус  
суицида

Доказывал, что худшее сбылось.  
Напрасно всё,  
день выжжен до золы;  
И вечер ничего уже не значит;  
Не в силах

что-нибудь переиначить,  
Ночь корчится на кончике иглы.  
Сочится

сквозь асфальтовый настил  
Горячий яд отравленного мая.  
Мы мечемся,  
мучительно глотая

Заразный воздух  
из последних сил.  
\* \* \*

Тень не напускаю  
на плетень я, –  
Дни постылы, сны давно пусты.  
Безнадежный пленник

вдохновенья  
И заложник женской красоты.  
Сотни раз встречал её во сне я,  
Тысячу ночей провел без сна;

И, когда мы встретились  
случайно,  
Различил её из тысяч лиц.

Только был –  
предупрежденьем свыше –  
Странный сон, как окрик, –  
берегись!

Будто с нею мы  
стоим на крыше,  
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я,  
чем сон мой обернется,  
Бросил ли я вызов небесам?  
Кто умен, – всегда остережется;  
Только я был молод и упрям.

Верил,  
что бы ни случилось с нею,  
Все напасти я перелистну.  
И любил её стократ сильнее,  
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу  
не провести с насюка,  
Обух плетью не перешибешь...  
Осень надвигается до срока,  
К вечеру пойдет,

возможно, дождь.  
Я один. Один за все в ответе,  
Сплю я или грежу наяву.  
По Хамовникам гуляет ветер,  
Разгоняя стылую листву.

ЧАШКА  
На бульварах к утру  
постепенно светлеет,  
В сонный город внезапно  
вступает весна.

Ты сказала,  
разбитую чашку не склеить?  
Бог с ней, с чашкою этой.  
Далась нам она!

Телефон надорвался  
от перенабора.  
Почему ты молчишь?  
Я прошу. Отвечай.

Стоит ли из-за крохотной  
горстки фарфора  
Хоронить равнодушно  
еще один май?

Ночь нарочно нам шепчет,  
что мы проиграли.  
Ей не просто признать,  
что расцвет мудреней;  
И разбитая чашка –  
не Чаша Граалья,

Чтобы так фанатично  
молиться над ней.  
Дай мне руку.

Поверь, на земле никого нет,  
Кто любовь нашу  
смог бы случайно разбить.  
Я всего лишь хочу  
пить из хрупких ладоней  
И тебя, добрый ангел,  
с ладони поить.

МОСКОВСКИЙ ЛИВЕНЬ  
Я снова  
заглянул к тебе с утра.  
Спросонек  
ты была слегка капризна,  
А захлестнувшая  
Москву жара

Отнюдь не добавляла  
оптимизма.  
Я, как всегда,  
принес тебе цветы, –  
Три крупных  
разноцветных хризантемы.  
Я не устал надеяться.

Но ты  
старалась не касаться  
скользкой темы.  
А впрочем,  
я прочел в твоих глазах,  
Воспользовавшись  
выпавшей минутой,  
Что ты готова

сделать шаг назад  
И только слишком медлишь  
почему-то.  
Казалось, шаг –  
и можно все вернуть.  
В какой-то миг я думал,  
оставалось

лишь поступиться гордостью  
чуть-чуть.  
Но ты упрямилась  
и не сдавалась.

Нам примириться  
вновь не удалось.  
Мы выбрали во двор  
неторопливо,

Когда внезапно  
всю Москву насквозь  
Пронзил июньский  
первозданный ливень.

Прозрачные,  
как будто акварель,  
Ни в ком не вызывая  
беспокойства,  
От каждой капли,  
выпавшей на Кремль,  
Бежали

концентрические кольца.  
Бульварное, Садовое кольцо...  
И вплоть до кольцевой  
автодороги

Дождь то хлестал  
порывисто в лицо,  
То вдруг, раскаявшись,  
стелился в ноги.

И мы с тобой,  
как прежде, без затей  
Стояли под зонтом,  
обняв друг друга.

Как будто дождь  
нам послан был затем,  
Чтоб вырваться  
из замкнутого круга.

\* \* \*

И когда повстречал я бомжа  
На каком-то вокзале убогом.  
Я подумал, что наша душа  
Точно так же смердит перед Богом.

Бог не требует наших молитв.  
Но лежу пред Тобой распростёртый.  
Это я – изнемогший от битв.  
Это я – худоцветный и чёрный.

Это я – предъявивший права  
И просящий пощады несмело.  
Понимаю, что эти слова,  
Может быть, наше главное дело.

И честь достойного ухода  
Под сень могущества Его.

\* \* \*

Я решил, что я – Жар-птица!  
А Жар-птице ни к чему  
За любовь начальства биться.  
Низко кланяться ему.

Тёмным силам потакая,  
Всем начальство говорит:  
"Птица? Жар? Да... Есть такая...  
Но не очень-то горит.

И, сказать, она не очень...  
Светит тускло, хоть убей.  
А у нас есть, между прочим,  
Птица лучше – воробей.

Но и он по всем законам  
В титанном поиске огня  
Светит светом отраженным,  
Исходящим от меня".

\* \* \*

Вот, дожив до седин, наконец  
Понимаешь, как грозно нависла  
Над тобой безнадёга. Пипец  
Наполняется мощью и смыслом.

Понимаешь без всяких прикрас,  
Как одно нецензурное слово  
Поджидает любого из нас  
И намного сильнее живого.

И тогда, выбиваясь из сил,  
Лихорадочно ищешь спасенья  
В тех, кого ты так сильно любил  
И кто дан тебе для воскресенья.

\* \* \*

Откуда – её я не звал –  
Идёт беспощадная старость.  
И кажется, всё я сказал,  
Но главное что-то осталось.

И всё кратковременно так,  
Непрочно, мгновенно,  
беспечно.

И всё кратковременно так,  
И всё удивительно вечно.  
И всё, что на грешной земле,  
Пропел я как певчая птица,  
Плутая в полunoчной мгле,  
На небе должно разрешиться.

\* \* \*

Не думая о каждом часе  
Невольню прожитого дня,

В безудержном однообразье  
Уходит время от меня.  
Но разгоняет жизни морок  
Дитя, рождённое на свет.  
Последний раз мне будет сорок,  
Ну, то есть, сорок девять лет.

И если стоит жить на свете  
Не для стяжания венцов,  
Нам радость – бабочки и дети,  
И звон прощальных бубенцов.

Нам радость –  
данная свобода,  
Господь, творящий естество.

И честь достойного ухода  
Под сень могущества Его.

\* \* \*

А я уж на склоне пути,  
Но в мире таком многогрешном.  
Мне всё предлагают расти  
И быть молодым и успешным.

И думать всегда о рубле,  
Развершем небесные тверди,  
Как будто и нет на земле  
Ни боли, ни горя, ни смерти.

\* \* \*

Распласталось сине море.  
Бесконечность и тоска.  
Это счастье или горе  
Быть женою моряка?

Вслед смотреть волне белёсой.  
Знать, что там на корабле  
Море почитают прозой,  
А не раем на земле.

Сознавать, что этим летом,  
Вдруг покинув свой причал,  
Между тьмой и светом  
Где-то суженный застрял?

\* \* \*

Известно, что придя в движение,  
По всем законам естества  
В системе общего снабженья  
Вода безвидна и мертва.

И ждёт спасения, доколе  
Не образует в трубах течь.  
Вода не может жить в неволе  
Как поэтическая речь.

Она подвигница теченья,  
Напора, скрытого в груди.  
И из любого заточенья  
Всегда пробьёт себе пути.

И если посмотреть на воду,  
Примерить жалкий опыт свой –  
Лишь вырываясь на свободу,  
Вода становится живой.

\* \* \*

Фонтан, обложенный камнями,  
Твоя проточная вода  
Стремится вверх и всегда  
Востребована небесами.

Но в мире вечного теченья  
На землю падает назад,  
И образует водопад  
По всем законам притяженья.  
И я у Господа в передней  
Слепым подобием воды  
Стремлюсь достигнуть высоты  
И каплей становлюсь последней.

\* \* \*

Как хотим слова тасуем,  
Но нам надо быть корыстней.

**Вадим ТЕРЁХИН**

Поминаемое всуе  
Не имеет вечной жизни.

Не имеет в мире веса,  
С уст слетело и пропало,  
В нас не вызвав интереса.  
И его, как не бывало.

\* \* \*

Земля под дедовской избёнкой  
Среди отеческих могил,  
Тебя, как малого ребенка,  
Я на руках своих носил.

Прости, что я копол лопатой –  
Грузил себе посильный воз.  
И видел я тебя распятой  
И захлебнувшейся от слёз.

И почитал как мать вторую.  
И буду погребён судьбой  
В тебя,

в слоистую,  
Чтоб стать навеки уже тобой.

Я выполнял твою программу  
Из притяжения к тебе.  
И вырыл долговую яму,  
Похоже, самому себе.

И что же есть в тебе такого,  
Что заставляет душу петь,  
И посвящать не только слово,  
А даже жизни не жалеть.

\* \* \*

Надеваем призрачные маски.  
В облике скупцов и негодаев  
В рауге разрозненные краски  
Обрели непрошенных хозяев.

То, что одиноко и печально,  
И казалось ввек неискупимым  
В этом мире было изначально  
Целым,

многоцветным,  
неделимым.

Каждый хочет правды и участия,  
Стать одной душой с единой кровью.  
То, что в нас разорвано на части,  
Вместе называется любовью!

\* \* \*

Время жизни бежит на парах.  
Понимая, что всем его мало,

Я хотел его высечь в словах,  
Но оно от меня утекало.

Улетало под взмах птичьих крыл.  
Уползало, как в щель черепаха.



Забирало, кого я любил.  
И земля тяжелела от праха.

Равнодушное к каждой судьбе,  
Проглотившее сонмы событий,  
Время возит весь мир на себе  
По своей предрешённой орбите.

Повторяет любое число  
И летит по привычному кругу.  
Вот опять часть меня унесло  
В предосеннюю жёлтую выюгу.

Для того ли нам послана Весть,  
Объяснить проходящее мимо,  
Что для каждого вроде бы есть,  
Но для рук его неуловимо.

\* \* \*

Я живу как росток от земли,  
Подбираю, что миру негоже.  
Делу рук моих благоволи,  
Милосердный

и Праведный Боже!  
Сделай так,  
чтоб вернулся сюда  
Улизнувший в бездонное небо  
Добросовестный ангел труда  
И принёс мне и соли и хлеба!

И в бескрайний простор вострубя,  
Мне вернул все былые надежды,  
Чтоб рассчитывал я на Тебя  
В трудный час этой жизни,

как прежде!

\* \* \*

Слышишь, заводит сверчок  
Песню на лире запечной.  
Как бы мир не был жесток,  
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.  
Канет во мгле бесконечной  
Слава, богатство и власть.  
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле  
Просто, неспешно, сердечно?  
В мире, лежащем во зле,  
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.  
Но в суеде бытотречной  
Всё в этом мире пройдёт.  
Слово и музыка вечны.

### СНЫ

Спать.  
Спать.  
Спать.

Каплю  
за каплей  
сочит  
рукомойник;

И пока потихоньку  
доставляет мать,  
Снится мальчику  
благородный разбойник.

Может, будет позором  
или славой увенчан?  
Только время способно  
принести ответ.

Нерождённое будущее  
не торопи!  
Что-то да сбудется...  
А желанное?

Нет?  
А пока  
только спи...  
спи...  
спи...

\* \* \*

Тем, что ты жил на земле,  
ты себя обессмертил  
навеки;

Жертва ты был  
иль творец,  
яркий герой или трус,  
Шёл ли вперёд вопреки  
или плыл

по теченью событий –  
Ты незаметно для всех  
направленье потока  
менял.



### Теперь

не хочется компании –  
Я так обижен на людей!  
Пожалуй, я иду в изгнание  
Со стаей белых лебедей;

Давно мне место уготовано  
На пире греческих богов:  
В фиалы полны налиты вино  
И пьшут горки пирогов.

Вкусив мальвазии, амброзии  
И райских  
сладостных плодов,

## Там, где Хроноса стержень...

**Олег АЛИТИС**

Защитник обездоленных  
к угнетателям жесток,  
Восседает на горе,  
откуда всё видно,  
Меткой пулей,

посланной в висок,  
Вызывает восторг,  
излучивающий обиды...

Светит лампада,  
нежна и легка,  
Едва наполняя  
мир подлунный, –

Видно,  
как чуть розовеет щека,  
Прилеенная к подушке  
детской спялкой.

В следующем сне  
отлетает стихарь,  
В священных песнопениях  
следует кода;

В леденящем предчувствии  
протупает в стихах  
Одиночество Творца  
и неблагодарность  
народа...

Засыпает мать,  
завершив свой труд,  
Прочитав молитву  
о здравии ребёнка, –

И во сне её руки  
всё стирают и трут,  
Трут чужое бельё  
и чужие рубашонки.

И вот снится мальчику  
огрома-а-дневный зверь:  
Он точит о сосну  
савлевидные когти,  
Крадётся к избушке,  
лапой трогает дверь,

Учуяв его мясо  
и нежные кости...  
Обрывается сон,  
но снам не конец,

Созревает в них будущее  
не явно, не точно.  
А в далёком городе  
подвыпивший отец

Стучит и стучит  
своим молоточком.  
Может, будет у мальчика  
много мудрых книг,

Много дружбы,  
вражды  
и любящих женщин,  
Много тайн,  
в которые он проник.

\* \* \*

На волшебном Босфоре  
Под прозрачной луной  
Я хотел бы поспорить  
С бирюзовой волной,

В воду броситься смело,  
Кулаками круша,  
чтобы сердце запело,  
Задышала душа,

Мах за махом на стрежень,  
Чтобы вынырнуть вдруг,  
Там, где Хроноса стержень  
И покладист, и туг,

Где потоки истории  
Между двух берегов  
Разрушали империи  
И сближали врагов.

Ты – вода вождления,  
Перекрёсток надежд  
Для народов и гениев,  
Торгащей и невежд,

Ты на берег выносишь  
Пену разных кровей:  
Здесь вставал крестоносец,  
Армянин и ромей.

Эти древние скалы  
Вспоминают сквозь сон,  
Как меж них проникали  
Князь Олег и Ясон,

Пробежали тропинки  
Роксалан и Елен,  
Что варили напитки  
Для любви и измен;

Катакомбные храмы  
Здесь напоминают, скорбя:  
Кто потворствует Хаму,  
Потеряет себя,

Будет жить на задворках,  
Славя вечный позор,  
Луноликому тюрку  
Предоставив простор.

Чтобы новые орды  
В крыльях чёрных знамён  
Не окрасили бороды  
Кровью наших племён,

Я здесь встану солдатом,  
Презирая кураж,  
Незнакомому брату  
Охранитель и страж,

С вечным Хаосом в ссоре,  
Словно древний герой,  
На далёком Босфоре  
Под зелёной горой.

В ДРЕЗИНЕ  
Стучат, стучат колёса  
Моторной дрезины,  
Над лесом пар белёсый  
Весенней трясины.

Сливают холод вечер  
Под ватник, рубашку,  
А я всему навстречу  
С душой нараспашку.

Душа моя – лист чистый,  
Летающий свободно –  
В ней даже враг неистовый  
Рисует, что угодно,

Растит слепые страсти,  
Безусые безумства,  
И от страстей к несчастьям  
Толкает без устали.

Опасность жизни пёстрой  
Я чую печёной,  
В кармане ножик острый,  
Улыбка волчонка,

Лихая безотцовщина  
На всё для одобренья  
Мужского (пусть не общего!)  
Готов без сомненья.

А впереди, на стрелке,  
Судёб всех развилка:  
Кому-то стать застреленным,  
Кому-то – Бутырка.